

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МАРИАННА ЛЕОНТЬЕВНА РАМЕНСКАЯ (ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ИЗБРАННОЕ, ПЕРЕВОДЫ) / КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ; ОТВ. РЕД. Е. А. БОРОВИЧЕВ, А. М. КРЫШЕНЬ. АПАТИТЫ: КНЦ РАН, 2015. 204 с.

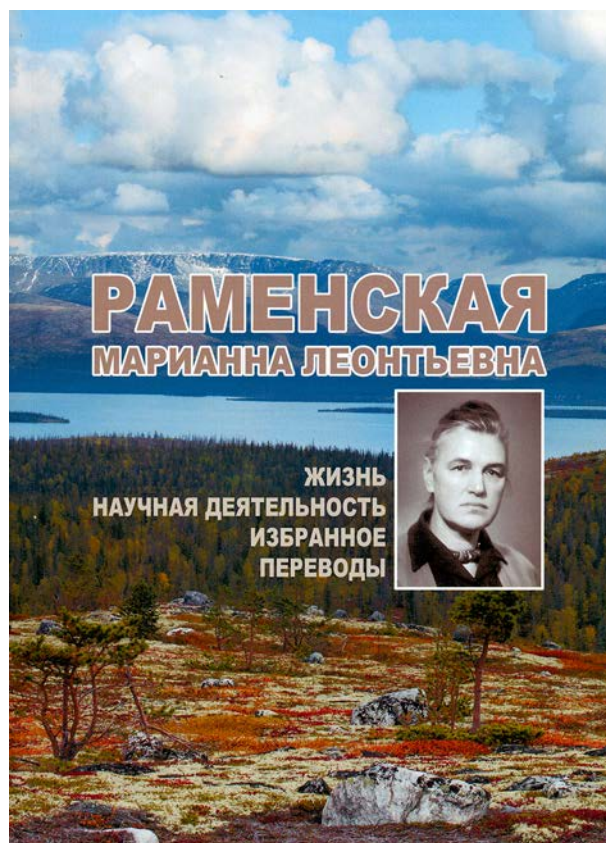
(A REVIEW) MARIANNA LEONT'EVNA RAMENSKAYA (LIFE AND SCIENTIFIC ACTIVITY, SELECTED WORKS, LITERARY TRANSLATIONS) / GROUP OF AUTHORS; ED. BY E. A. BOROVICHEV, A. M. KRYSHEN'. APATITTY: KRC RAS, 2015. 204 p.

Спустя два года после того, как ботаническая общественность России отметила 130-летие со дня рождения выдающегося ученого Л. Г. Раменского (1884–1953) (Миркин, Наумова, 2015), исполнилось сто лет со дня рождения его дочери М. Л. Раменской (1915–1991) — крупного исследователя флоры и растительности Северо-Запада России. В связи с этой датой было проведено международное совещание «Проблемы изучения и сохранения растительного покрова Восточной Фенноскандии» (Апатиты, Мурманская обл., 15–19 июня 2015 г.) и опубликована рецензируемая книга. В ее составе три части: «Воспоминания и очерки», «Избранное» и «Переводы» (две повести американских авторов — П. Гэллик «Засекреченный ингредиент» и Дж. Хилтона «До свидания, мистер Чипс»). В настоящей рецензии рассмотрены две первые части.

Первая часть книги открывается большим очерком А. Г. Андреева «М. Л. Раменская: воспоминания и документы». Из очерка мы узнаем, что о своем отце М. Л. Раменская (далее М. Л.) никогда не говорила (брак Л. Г. Раменского с ее матерью Е. А. Мохначевой распался в 1917 г.). Однако, по данным исследователя биографии Л. Г. Раменского В. Б. Голуба (2015), М. Л. в 1933 г. (в возрасте 18 лет) принимала участие в экспедиции отца — выполняла геоботанические и почвенные описания. Это предопределило выбор специальности М. Л. — она пошла по стопам отца и закончила кафедру геоботаники Ленинградского государственного университета. Ее учителями были корифеи русской ботаники — В. Л. Комаров, В. Н. Сукачев, А. П. Шенников, Е. М. Лавренко (отметим, что В. Н. Сукачев и А. П. Шенников были постоянными оппонентами Л. Г. Раменского).

После окончания университета¹ в 1939 г. М. Л. поступила в аспирантуру на той же кафедре. Война застала ее во время экспедиции на Северный Кавказ. Не имея возможности вернуться в Ленин-

¹ Параллельно М. Л. закончила Высшие государственные курсы иностранных языков, по этой причине она свободно владела английским языком, а также знала немецкий и французский языки.

град (где во время блокады в 1942 г. скончалась ее мать), М. Л. была вынуждена работать на Орджоникидзевской опытной станции по животноводству, где изучала кормовые культуры. После эвакуации опытной станции в Баку, она работала в этом городе на оборонном заводе (сборщицей авиамоторов, табельщицей, нарядчицей). В 1945 г. М. Л. работала переводчицей с английского языка на складе военного импортного оборудования.

В 1946 г. М. Л. вернулась в Ленинград и успешно завершила аспирантуру, защитив диссертацию.

В том же году М. Л. начала работать в Карельском институте леса, из которого она была уволена в 1964 г. и перешла в Полярно-альпийский ботанический сад (ПАБСИ), где с 1968 г. заведовала Лабораторией флоры и растительных ресурсов. В 1976 г. М. Л. ушла (точнее «ее ушли») на пенсию и переехала в Ленинград, где продолжила активно работать. Ежегодно она некоторое время проводила в Петрозаводске, где работала в Гербарии Петрозаводского госуниверситета (созданном на основе ее сборов). В это время М. Л. публикует две монографии: «Определитель высших растений Мурманской области и Карелии» (1982; в соавторстве с В. Н. Андреевой) и «Анализ флоры Мурманской области» (1983).

Из очерка А. Г. Андреева мы узнаем о личности М. Л., которая была человеком высокой культуры — любила классическую музыку (обладала большой фонотекой и была завсегдатаем Большого зала Ленинградской филармонии) и живопись. М. Л. была общительным и гостеприимным человеком (хотя не умела готовить и при приеме гостей пользовалась услугами кулинарии).

Памяти о М. Л. посвящены статьи В. И. Шубина («Воспоминания о М. Л. Раменской»), А. С. Лантратовой («Мои встречи с М. Л. Раменской»), А. А. Похилько («М. Л. Раменская — жизнь и научные исследования в Мурманской области»), Г. А. Евдокимовой («Час поэзии с М. Л. Раменской»), Е. Ф. Марковской («Она шла по жизни, крупно шагая»).

В четырех статьях анализируется вклад М. Л. в науку о растительности. В статье Е. А. Боровичева, Н. Е. Королевой и В. А. Костиной «Вклад М. Л. Раменской в развитие флористических и геоботанических исследований в Мурманской области» дана общая оценка этого вклада. Авторы подчеркивают, что М. Л. была геоботаником «старой ленинградской школы». «Ее методологический подход к исследованиям мог бы заменить отдел или целый исследовательский институт — она описывала почвенные профили, помимо сосудистых растений собирала образцы лишайников и мохообразных, а также горных пород, делала подробные геоботанические описания» (с. 50).

М. Л. следовала традиционным установкам отечественной классификации растительных сообществ и выделяла формации и ассоциации по доминантам, однако старалась подходить к классификации не «механистически» и использовать флористические критерии.

В своих исследованиях М. Л. уделяла особое внимание созданию гербария. За время работы в ПАБСИ она собрала около 1500 листов гербария сосудистых растений, причем эти сборы поражают своим качеством. Стараниями М. Л. был организован массовый обмен между Гербарием ПАБСИ и центральными гербариями страны (БИН АН СССР, ЛГУ, МГУ, ЦСБС). Авторы отмечают, что, к сожалению, сейчас обмен гербарным материалом практически не ведется.

Общая оценка вклада М. Л. в науку о растительности следующая: «В историю ботанических исследований Карело-Мурманского региона, да и всего Северо-Запада России, М. Л. Раменская войдет как первоклассный флорист, коллектор и популяризатор ботанической науки» (с. 54).

Исследованиям М. Л. флоры Карелии посвящена статья А. В. Кравченко, в которой подчеркивается, что опубликованный ею «Определитель высших растений Карелии» (1960) и две уже названных монографических работы о флоре (Раменская, Андреева, 1982; Раменская, 1983) на долгие годы стали фундаментом изучения флоры и растительности этого края. Вкладом в изучение флоры является и превосходная монография М. Л. о луговой растительности (Раменская, 1958), в которой для большей части описанных единиц приведены полные геоботанические описания.

А. М. Крышень и Е. П. Гнатюк в статье «Эколого-ценотические группы растений М. Л. Раменской и их применение в исследованиях растительного покрова Карелии» осветили еще один аспект флористических исследований М. Л. — составление видовой экологической классификации флоры Карелии. Предложенная ею система эколого-ценотических групп является «мостом» от флоры к флористической классификации растительности. Геоботаническим исследованиям М. Л. в первой части книги посвящена всего одна статья — С. Р. Знаменского «М. Л. Раменская и изучение луговой растительности Карелии».

Вторая часть книги — «Избранное» — открывается теоретической статьей М. Л. «О соотношениях в системе растительность и среда» (первая публикация — 1966 г.). Статья начинается с обсуждения принципа непрерывности растительного покрова, который был сформулирован Л. Г. Раменским. При этом М. Л. творчески развивает этот принцип.

Во-первых, если Л. Г. Раменский избегал цитировать своих коллег (исключение он делал только для своих оппонентов — В. Н. Сукачева, А. П. Шенникова и Л. Е. Родина, которые подвергались критике), то М. Л. осуждает работы американских ученых, которые разрабатывали проблему континуума (Gleason, 1939; Whittaker, 1951; Brown, Curtis, 1952; Rowe, 1959; Ehrlich, Holm, 1963).²

Во-вторых, М. Л. обосновала относительный характер непрерывности растительности: с непрерывностью сочетаются хорошо выраженные дискретные сообщества. Таким образом, М. Л. как бы предварила представления В. Д. Александровой (1969) о диалектическом единстве непрерывности и дискретности растительного покрова.

В-третьих, М. Л. показала, что в разных типах растительности соотношение непрерывности и дискретности различается: непрерывность более выражена в луговых сообществах, дискретность — в лесных, в которых сильные доминанты-эдификаторы нивелируют мелкие различия внешней среды.

При обсуждении определения понятия «фитоценоз» М. Л. высказывает несогласие с определением, которое дал В. Н. Сукачев, считавший главным признаком различения фитоценозов «характер системы взаимоотношений между растениями и между ними и средой». Этот критерий, по мнению М. Л., невозможно использовать, так как типы взаимоотношений нельзя наблюдать в природе. Критически она оценивает и определение фитоценоза, данное А. А. Ниценко, который считал критери-

² Работы, цитированные М. Л. Раменской, в список литературы к рецензии не включены.

ями установления фитоценоза количество ярусов, преобладание в каждом ярусе видов-доминантов и соотношение представленности в фитоценозе видов разных экологических групп. Эти критерии, по мнению М. Л., также не могут быть использованы для различения фитоценозов в природе. Однако своего определения фитоценоза М. Л., к сожалению, не дала и сразу перешла к обсуждению критериев различения растительных ассоциаций. При этом она отошла от традиции различения «универсальных» ассоциаций по доминантам: «Следовало бы подумать о разном подходе к выделению ассоциаций лесной, болотно-моховой и травянистой растительности. Нельзя не заметить, что у нас уделяется слишком мало внимания флористическому анализу ценозов, между тем как франко-швейцарская школа имеет детальные геоботанические методы анализа флористических списков растительных сообществ. Учет локальных и региональных характерных видов, экологических (индикаторных) групп, дифференцирующих видов и т. п. значительно углубляет характеристику ассоциаций и их вариантов» (с. 71). К слову, Л. Г. Раменский резко отрицательно относился к подходу Браун-Бланке.

Таким образом, по своим взглядам М. Л. представляла «идеологию паллиатива» (Миркин, Наумова, 2012), которая была характерна для советских геоботаников в 1960–1980-е гг., когда они пытались объединить в одну систему классификации растительности традиционный русский подход и подход Браун-Бланке.

Выходом из возникающих противоречий между флористической и доминантной классификациями растительности М. Л. считала ландшафтный подход. «Представляется бесспорным, что объекты каждой дисциплины нужно систематизировать по признакам самих объектов, но объекты, представляющие часть более сложного целого, необходимо систематизировать, увязывая с этим целым (Раменский, 1952). Поэтому идея создания единой естественной классификации растительности, параллельной и связанной с классификацией геосистем, развиваемой В. Б. Сочавой (1961), представляется необычайно перспективной. Классификация растительности при этом не подменяется классификацией природных комплексов, но обе должны разрабатываться в пределах подразделений природного районирования... Сближение геоботаники с ландшафтоведением пополнит содержанием многие понятия учения о растительном покрове» (с. 75).

Ландшафтный подход иллюстрируется в ряде статей, включенных в книгу: «К типологии лесных ландшафтов Карелии», «Физико-географические особенности и лесные ландшафты», «Природное районирование в связи с вопросами лесовосстановления» (соавтор В. И. Шубин). Из этих работ очевидно, что ландшафтный подход привел М. Л. к выходу за рамки геоботаники в сферу физической географии.

В двух статьях («Анализ сопряженности некоторых признаков фитоценозов и почв незаболоченных горных тундр Мурманской области», «Напочвенный покров и почвы березово-осиновых редкостойных лесов Мурманской области») М. Л. продолжает традиции Л. Г. Раменского и показывает себя как «комплексный» специалист, в равной мере владеющий методами геоботаники и почвоведения. Завершающие эту часть книги статьи «К типологии лесотундровых березняков» и «Растительность Печенгских тундр» показывают, что блестящие знания флоры и экологии видов позволяли М. Л. даже в рамках доминантного подхода давать глубокий и содержательный анализ разных вариантов растительности Северо-Запада России.

В заключение рецензии остается выразить благодарность всем тем, кто принял участие в подготовке издания, посвященного жизни и научному наследию Марианны Леонтьевны Раменской — глубокого и оригинального исследователя, нестандартного человека, который в самых трудных условиях умел сохранить свое «я».

В издании приняли участие Кольский научный центр РАН, Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н. А. Аврорина, Институт проблем промышленной экологии Севера, Мурманское отделение Русского ботанического общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова В. Д. 1969. Классификация растительности: Обзор принципов классификации и классификационных систем в разных геоботанических школах. Л. 275 с.
- Голуб В. Б. 2015. К биографии Л. Г. Раменского — Серрафима Давидовна Рубашевская // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Т. 24. № 2. С. 262–265.
- Миркин Б. М., Наумова Л. Г. 2012. Современное состояние основных концепций науки о растительности. Уфа. 488 с.
- Миркин Б. М., Наумова Л. Г. 2015. Вклад теоретического наследия Л. Г. Раменского в современную науку о растительности (к 130-летию со дня рождения ученого) // Журн. общ. биол.. Т. 76. № 3. С. 244–256.

© Б. М. Миркин,¹ Л. Г. Наумова²
В. М. Mirkin, L. G. Naumova

¹ Институт биологии УНЦ РАН. 450054, Уфа, пр. Октября, 69. E-mail: geobotanika@mail.ru

² Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. 450000, Уфа, ул. Октябрьской Революции, 3а. E-mail: leniza.gumerovna@yandex.ru

Получено 18 августа 2015 г.